

Вечер настал незаметно, пришло время ужина.

Сяо Юньцзянь и его спутник не стали никого искать — они сразу направились в Зал снадобий Поместья Фэн, прекрасно зная, где найти своих подопечных. И точно: все трое малышей были там.

Чтобы хоть немного отвлечь Фэн Цзюэсяня от тягостных мыслей, Вань Фэнсяо и Юй Шэншэн повсюду брали его с собой, словно приклеенные. В итоге стоило найти одного, как тут же обнаруживались и остальные.

Когда они вошли, один из Цин Вэй по имени Цин Лэ уже вовсю читал лекцию по фармакологии. Будучи знатоком принципов, он обладал глубокими познаниями в теории и логике медицины, мастерски разбираясь в составлении рецептов, наложении печатей, иглоукалывании и ядах. Люди называли таких специалистов второй рукой фармацевта.

Помимо фармацевтов и знатоков принципов, существовали еще обычные лекари. Это были люди без выдающегося таланта: они не умели пользоваться печатями, занимались лишь лечением простейших недугов, выдачей трав и примитивными техниками иглоукалывания. В медицину они шли лишь ради того, чтобы прокормить свои семьи.

Лишь те, кто обладал двумя из трех составляющих — талантом, силой и подходящим телосложением, — могли претендовать на звание фармацевта. Особым почетом пользовались те, кто мог отрастить лисий хвост, что помогало выделять и оберегать редкие таланты. Разумеется, во все времена существовала иерархия, и о подлинном равенстве не могло быть и речи.

Сейчас Цин Лэ наставлял малышей основам, повторяя материал снова и снова, чтобы в будущем у них не возникало ошибок в лечении. Все трое слушали очень внимательно, но по выражению их лиц нетрудно было догадаться, сколько информации осело в головах.

Стоило бросить лишь один взгляд, чтобы всё понять. Кроме Вань Фэнсяо, остальные впитывали знания как губки — ведь наша Сяо Сяо уже вовсю сражалась в сновидениях с самим Духом сна. Однако природное воспитание брало свое: даже в глубоком сне она сидела ровно и прямо. Главный принцип: я, может, и не усваиваю материал, но уважаю чужие старания и прилежание окружающих.

Видя такую картину, двое мужчин не сдержали лукавой улыбки. Они еще не сказали Вань Фэнсяо, что для ухода за ее маленьким Сяо Куем необходимо досконально знать фармакологию. Переглянувшись, они поняли друг друга без слов — в их сердцах поселилась капля черствости. Впрочем, зачем еще нужны дети, если не для того, чтобы находить в них повод для веселья? Это вполне оправдано.

Они медленно подошли ближе. Цин Лэ сам не заметил, как пролетело время: эти трое ребятишек были такими милыми, что лекция доставляла ему одно удовольствие. Закончив, он быстро убрал книги и поднялся, чтобы идти ужинать.

Он подхватил Фэн Цзюэсяня и ловко усадил его к себе на плечи, ворча, что тот слишком легкий, худой, как бамбуковая палка, и что будет, если в будущем ему придется драться с противником? В глубине души он уже начал составлять для него укрепляющий рецепт.

Почему он вдруг решил его понести? Все просто: когда Сяо Гуай, которого несли на руках, потянулся и ухватился за ленту в волосах Цин Лэ, тот поднял взгляд и увидел Фэн Маньлуо, который с широкой улыбкой нес на спине Вань Фэнсяо.

Что ж, я всё понял! Будучи добрым и милым знатоком принципов, он не мог не считать этот жест. Поэтому он мягко улыбнулся Юй Шэншэну и направился прямо к Фэн Цзюэсяню. Мальчик почувствовал, как его пальцы дрожат, а сердце забилось в лихорадочном ритме — как тут не растрогаться? Он понял, что это проявление мягкости со стороны того юного господина. С этого момента душа подростка обрела покой: отныне ни невзгоды, ни ветер ему были не страшны.

Компания с шумом и смехом направилась вглубь поместья. Высадив Фэн Цзюэсяня, Цин Лэ быстро исчез. И не потому, что был занят, а потому что не хотел наблюдать за сценами любви своего хозяина. Ему было завидно — до слез, до вырванных волос.

После ужина трое малышей планировали вернуться в комнаты, чтобы повторять уроки. Вань Фэнсяо и Фэн Цзюэсянь были совсем необразованными: одна умела лишь играть на цитре, другой — лишь варить вино. Юй Шэншэн и вовсе стремился каждую секунду потратить на самосовершенствование. На них давили огромные ожидания и страх не успеть, поэтому они хотели забить график до предела.

Фэн Маньлуо и Сяо Юньцзянь решили, что этому не бывать. Бунтарский дух не позволял им сидеть на месте, и они решили вытащить детей на ночной рынок. Не хотят? Что ж, они пустят в ход обиды, слезы и капризы! Тяготы? Приличия? О чем вы? Перед чужими людьми Фэн Маньлуо был настоящим смутьяном, а Сяо Юньцзянь — безумцем, творившим что хотел. Но перед своими... Ну же, если вы не послушаетесь, я буду вредничать!

Как говорится, люди, спящие на одной кровати, имеют схожий нрав. В итоге все отказы малышей были безжалостно отвергнуты, и их погрузили в экипаж — ведь заставлять ждать веселье было бы верхом неуважения.

Сяо Юньцзянь с супругом давно хотели выбраться на рынок, да всё времени не было. Пятеро Цин Вэй, отвечавших за счета, были отправлены в отъезд, и вся бумажная волокита свалилась на плечи этой пары. И вот, сегодня одна из них наконец вернулась. Разумеется, они тут же переложили на нее все дела, поспешив на свободу.

Они сказали бедной Цин Вань, прикрываясь фальшивой заботой:

— Мы так тебе доверяем, мы так тебе благодарны! Прости, что придется потрудиться, но мы обязательно приготовим что-нибудь вкусное, когда вернемся.

Только что вернувшаяся Цин Вань застыла:

— Господин... Господа!

О, небеса, это пытка! Настоящая пытка!

Она стояла, едва не рухнув под грузом внезапного доверия, и растерянно бормотала себе под нос:

— Но... разве я не задержалась на пять дней? Почему я приехала раньше всех? Почему?!

За ее спиной хихикала Цин Юй, злорадствуя:

— Ох, Цин Вань, ты проиграла, два лян серебра я забираю себе! Кстати, Цин Сянь и остальные задержались на семь дней, ты еще слишком молода, сестренка. Все знают, что командировки — это завуалированный отпуск, возможность погулять и повеселиться, а ты такая наивная. Из пятерых только ты проиграла спор, кто вернется раньше. Ха-ха-ха, готовь по два лян каждой!

Цин Вань лишь надула губы, и из ее глаз вот-вот должны были хлынуть потоки слез — и это были не просто слезы, а целые реки.

Тем временем Юй Шэншэн и остальные прогуливались по рынку. Хотя они были здесь днем, это совсем другое дело! Мир полон шума и суеты, и они не собирались оставаться в стороне, сразу же растворившись в толпе.

Всюду царило оживление: огоньки фонарей, радостные крики на улицах, красавица-куртизанка, выступающая на сцене, искусный спектакль, талантливый ученый, получивший первое место на экзаменах. Маленькие бедолаги — один болезненный, другой скрывающийся от прошлого, третий живущий в изоляции — никогда не видели ничего подобного.

Дети остаются детьми, как тут не проявить любопытство? И пусть многие провожали их странными взглядами — точнее, взглядами, прикованными к Юй Шэншэну, — их это не заботило. Поскольку свет от ночных фонарей был ярким, Юй Шэншэну пришлось повязать глаза черной лентой, но зонт оставался над ним неотступно. Они не смели рисковать ни на мгновение, даже если солнце уже давно село.

Кроме Юй Шэншэна, которого нес Сяо Юньцзянь, остальные шли сами. Вань Фэнсяо и Фэн Цзюэсянь по очереди держали его за маленькую ручку, громко рассказывая о том, что происходит вокруг. Если им попадалось что-то интересное, они давали ему потрогать предмет, и если вещь задерживалась в руках Юй Шэншэна дольше пяти секунд, Фэн Маньлуо тут же ее покупал. Конечно, и про двоих восьмилетних малышей они не забывали — ведь эти дети в скором времени должны были быть вписаны в родословную клана Фэн, как они могли обделять их вниманием? Просто подсознательно все они были чуть более нежны к Юй Шэншэну.

Тот, разумеется, чувствовал это, но его нынешнее состояние не позволяло выражать эмоции открыто. Впрочем, это не мешало ему проявлять врожденное желание ластиться к близким.

Маленький принц, пять лет купавшийся в безграничной любви, даже в своей замкнутости и отворачивании к миру не растерял привычки искать ласки.

Услышав, как Сяо Юньцзянь в шутку рассказывает о его детстве, он застеснялся и спрятал личико в изгибе его шеи. Он перебирал пальцами прядь волос Сяо Юньцзяня и вдыхал их аромат, пытаясь унять охвативший его жар смущения.

Внезапно раздалось несколько жалобных кошачьих криков. Он резко отстранился, а Сяо Юньцзянь, державший его, замер и тихо спросил, что случилось. Увидев его реакцию, остановились и все остальные.

<http://bllate.org/book/22367/2345524>